

Когда мы прибыли в Пятый район Центрального города, было восемь часов утра — все складывалось как нельзя лучше.

Воздушное судно пришвартовалось, и к нему тут же устремились разнообразные сервисные службы.

Я стояла позади Цзян Сэня и видела, как другой сопровождающий из его свиты управлялся с этими умными системами. В душе у меня поднялась целая волна чувств. И вправду, интеллект техники ценен, но человеческий труд — бесценен.

Под управлением сопровождающего мы быстро покинули стоянку воздушных судов и пересели в машину.

Конечно, внешне эта машина ничем не отличалась от тех, на которых разъезжают богачи Внешнего кольца, но стоило оказаться вам внутри, как вы могли обнаружить множество деталей и продуманных системных решений. Я хочу сказать, что я, черт побери, за всю свою жизнь не видела такого автомобиля, где бы специально изобрели целый ряд панелей для управления прислужгой.

С ума сойти!

Машина постепенно приближалась к городской черте. Сквозь стекло я видела множество прекрасных ландшафтных композиций. Тут были и горы, и вода, и прочие живописные виды, пролетали птицы, стояли безмолвные скамейки, и там, мать его, даже водилась дикая живность. Что за дела? Я пробивалась из глухих горных дебрей в процветающие кварталы Внутреннего кольца, а оказалось, что Внутреннее кольцо — это просто другие горные дебри?

Цзян Сэнь заметил направление моего взгляда и тихо спросил:

— Что такое?

Я ответила:

— Здесь очень красивые виды.

Цзян Сэнь помолчал и сказал:

— Да, неплохо. Жаль только, что это технопейзаж.

Я спросила:

— Что значит «технопейзаж»?

— Использование устройств и технологий для полного воссоздания природы, — пояснил Цзян Сэнь и добавил: — Жители Внутреннего кольца почитают силу природы и решительно выступают против чрезмерной интеллектуализации и технологий. Все здесь в целом считают, что это ущемление прав человека.

Я промолчала.

Цзян Сэнь тихо рассмеялся.

— Что? По-твоему, это глупо?

Он продолжил:

— Вообще-то, я тоже так считаю.

Мне казалось, что порядочному человеку, наверное, не стоит быть слишком резким.

Но мысли — это одно, а поступки — совсем другое.

Я не удержалась и сказала:

— Если им так нравятся изумрудные горы, синие воды и природные пейзажи, почему бы просто не переехать всем домом в Двенадцатый район?

— Они и переехали, — ответил Цзян Сэнь, а потом добавил: — Ты же раньше была жительницей Центрального города. Ты должна знать, что доступ к открытым общественным пространствам в городских кварталах ограничен: чтобы войти и пользоваться ими, нужен определенный рейтинг.

Ха! Ограничения по уровню, да?

Я заявила:

— Я не знала.

Цзян Сэнь опешил и спросил:

— Разве твои родители не работали прислугой в Третьем районе Центрального города?

— Да, работали. Но это не значит, что у меня было право там учиться, — я улыбнулась Цзян Сэню и понизила голос: — Я все время училась в школах Шестого района. Наверное, ты скажешь: «А как же школа «Святой Элизы», разве ее главный кампус не в Третьем районе?». Да, тот — главный. Насколько мне известно, для учебы в том кампусе нужно предоставить подтверждение определенного уровня состоятельности.

Я искренне добавила:

— Но я до сих пор не понимаю, зачем людям с таким подтверждением идти в прислугу? Это...

Это была ложь. Я, конечно, все знала.

Общеобразовательные школы Внутреннего кольца предъявляют требования не только к состоятельности, но и к работе родителей, их образованию и прописке. От учеников также требуются определенные внешкольные активности, награды и достижения для поступления. Некоторые состоятельные люди из Внешнего кольца, если их социальный статус несколько сомнителен или у них нет связей на самом высоком уровне, идут на компромисс и устраивают детей в школы, куда, казалось бы, ходят только отпрыски прислуги и рабочих. Эти школы расположены во Внутреннем кольце. Они предлагают качественные образовательные ресурсы, предоставляют местную прописку для учебы и открывают доступ к более высокому рейтингу, что облегчает поступление в университеты Внутреннего кольца и окончательный переезд туда.

Цзян Сэнь на несколько секунд задумался. Его выражение лица вновь сменилось с задумчивого на озадаченное, а затем стало сложным. На этот раз он не извинился передо мной, и я предположила, что его путь, должно быть, кардинально отличался от пути этих людей.

Он произнес:

— Полагаю, это какие-то негласные правила.

Я ответила:

— А, значит, вот как оно было.

Снова наступило молчание.

Он спросил:

— Ты... не злишься?

Я подумала и лишь потом сказала:

— Я привыкла.

И добавила:

— Привыкла полагаться на волю небес, привыкла покоряться, привыкла к контрастам. К тому же, все уже в прошлом, мне не нравится постоянно оглядываться назад и думать: «ах, если бы тогда все было иначе...». Моя жизнь и так достаточно полна затруднений. Смотря вперед, я могу идти с высоко поднятой головой. Взгляд в прошлое лишь заставляет меня колебаться и робко отступить.

Я улыбалась, но в уме изо всех сил перебирала все печальные события прошлого, чтобы в глазах появилась легкая влажная дымка. Это не только увлажняло глаза, но и с определенной вероятностью вызывало у людей жалость ко мне.

Жалость бедняка не стоит и ломанного гроша, даже если он отдаст свою жизнь.

Но если вас пожалеет богач, хотя бы на капельку — этого хватит, чтобы пожить в свое удовольствие какое-то время.

Мое сердце было черствым, но я подозревала, что его — нет.

Цзян Сэнь посмотрел на меня, слегка склонив голову, и почти протянул руку. Но его рука тут же изменила траекторию. Он полез в карман, достал носовой платок и, подавая мне, сказал:

— В машине довольно высокая температура, вытри пот.

Я не взяла платок, а вместо этого усмехнулась:

— Ты ошибся, я не вспотела.

Рука Цзян Сэня застыла. Он убрал платок и сказал:

— Хм.

Потом добавил:

— Ты меня ненавидишь?

Я не ответила, а задала встречный вопрос:

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Я тебя уважаю и считаю, что теперь мы друзья, — Цзян Сэнь отвел взгляд, линия его челюсти была резкой, а голос тихим. — Но иногда мне кажется, что, возможно, ты меня ненавидишь, просто твой характер заставляет тебя терпеть меня.

Сказав это, он тут же почувствовал, что выразился не совсем точно, и поспешил добавить:

— Я хочу сказать, ты очень искренняя, но при этом и очень добрая.

Как же не терпеть тебя? Будь на твоём месте обычный альфа, который говорил бы такие омерзительные вещи, я бы уже давно ему врезала. Но разве ты простой альфа? У тебя же есть и деньги, и влияние.

Я спросила:

— Ты помнишь, что при нашей первой встрече я пыталась дать тебе взятку?

Цзян Сэнь задумался, и на его лице появилась легкая улыбка:

— Помню. Меня первый раз пытались подкупить, такое трудно забыть.

<http://bllate.org/book/13204/1326421>